

Где ты?

Автор:

Марк Леви

Где ты?

Марк Леви

Филип и Сьюзен привязались друг к другу с детства, казалось, у них впереди чудесная безоблачная жизнь. Однако гибель родителей заставляет юную Сьюзен по-новому взглянуть на окружающий мир: она понимает, что ей недостаточно простого семейного благополучия рядом с любимым человеком, ее цель – помогать тем, кто попал в беду. Бросив все, она уезжает из родной страны.

И все же воспоминания детства постоянно преследуют Сьюзен. Именно они однажды заставляют ее круто изменить свою судьбу и судьбу дорогих ее сердцу людей. Вот только сделает ли это их счастливыми?

Марк Леви

Где ты?

Перевод с французского

Marc Levy

O? es-tu?

www.marclevy.info

© Editions Robert Laffont/Susanna Lea Associates, 2001

© Косова О., перевод на русский язык, 2006

© Иллюстрация на обложку Eric Dreyer / Getty Images

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок один язык и расходятся многомиллионными тиражами.

Только любовь и дружба скрашивают одиночество наших дней. Счастье – не данность, за него надо постоянно бороться. И думаю, когда оно приходит, важно уметь его принять.

Орсон Уэллс

Посвящается Луи и М.

Он родился 14 сентября 1974 года в восемь часов утра в точке с координатами 15°30' северной широты и 65° западной долготы. Его колыбелью стал маленький островок неподалеку от берегов Гондураса. На новорожденного, зарегистрированного под номером 734, поначалу никто не обратил внимания. Первые два дня своей жизни он развивался при полном всеобщем равнодушии. Его жизненные параметры оставались стабильными и не давали повода беспокоиться о его развитии. С ним обходились точно так же, как и с любым подобным малышом. Согласно обычной процедуре, его данные фиксировались каждые шесть часов. 16 сентября в 14 часов дня результатами его анализов заинтересовалась группа ученых в Гваделупе. Их озадачил рост малютки, выходявший за пределы нормы. К вечеру того же дня руководитель группы, которой было поручено наблюдать за развитием крохи, уже не мог скрыть своей обеспокоенности и связался с американскими коллегами. Происходило нечто чрезвычайно важное: в состоянии малыша происходили кардинальные изменения, и это требовало внимания всего человечества. Плод союза холода и жары начал проявлять свой опасный характер. Если его сестричка Элейн, родившаяся в апреле того же года, прожила лишь одиннадцать дней, так и не набрав достаточной силы, то этот младенец, напротив, рос с удручающей быстротой и всего за два дня достиг весьма тревожных размеров. На исходе третьего он закрутился волчком. Он вертелся на месте, все резвее и резвее, как будто никак не мог решить, куда ему дальше податься.

В два часа ночи с 16 на 17 сентября профессор Хак наблюдал за подопечным при свете одинокой неоновой лампы и, склонившись над столом, заваленным листами с колонками цифр и какими-то графиками, удивительно похожими на кардиограммы, принял решение как можно скорее окрестить младенца в связи с его угрожающим состоянием, как будто таким образом можно предотвратить надвигающееся несчастье. Учитывая поразительные видоизменения малыша, рассчитывать, что дело только этим и ограничится, не приходилось. Имя было выбрано заранее, задолго до его рождения. Его решили назвать Фифи. Он вошел в историю 17 сентября 1974 года в восемь часов утра, когда его скорость превысила скорость 120 км/ч. Тогда-то его официально зарегистрировали метеорологи CDO[1 - Центр изучения ураганов.] в Пуента-Питре и их коллеги из ННС[2 - Национальный центр изучения ураганов.] в Майами как ураган первого класса по шкале Саффира-Симпсона. В последующие дни он очень быстро

сменил класс, перескочив во второй, к вящему ужасу изучавших его профессоров. В 14 часов Фифи уже развивал скорость 138 км/ч, а к вечеру дошел до 150. Но наибольшую тревогу вызывало его опасно изменившееся местоположение. Теперь он находился на 16°30' северной широты и 81°70' западной долготы. И тогда была объявлена тревога. 18 сентября в два часа ночи он приблизился к побережью Гондураса, обрушив на северный берег шквальные порывы ветра, достигавшие скорости 240 км/ч.

1

Аэропорт Ньюарка. Такси, высадив ее на тротуаре, растворилось в потоке автомобилей, заполнявшем пространство вокруг терминалов. Она проводила машину взглядом. Огромный зеленый рюкзак, стоявший у ее ног, весил чуть ли не больше ее самой. Поморщившись, она подняла его и вскинула себе на плечи. Миновала двери терминала номер один, прошла по залу и спустилась вниз на несколько ступенек. Справа от нее спиралью уходила вверх другая лестница. Сгибаясь под тяжестью рюкзака, она поднялась по ступенькам и решительно двинулась по коридору. Остановилась у бара, освещенного оранжевым светом, и через стекло заглянула внутрь. Возле стойки с десятком мужчин потягивали пиво, бурно обсуждая результаты матчей, которые мелькали на экране телевизора, висящего у них над головой. Толкнув деревянную дверь с круглым окошком-иллюминатором, она вошла и окинула взглядом красные и зеленые столики.

И увидела его: он сидел в глубине зала, у самого окна. Перед ним на столе лежала газета, а он, опершись подбородком о правую руку, левой что-то рисовал карандашом на бумажной скатерти.

Его глаза, невидимые ей, были обращены к бетонному полю, расчерченному желтыми линиями разметки, куда неспешно выруливали самолеты, готовившиеся к разбегу перед взлетом. Поколебавшись, она двинулась по проходу справа, чтобы подойти к нему незаметно. Проскользнув мимо гудящего холодильника, быстро и бесшумно подошла вплотную к ожидавшему ее молодому человеку и, коснувшись затылка, легонько взъерошила ему волосы. На бумажной скатерти красовался ее портрет.

– Ты долго меня ждешь? – спросила она.

– Брось, ты почти вовремя. Вот скоро мне действительно придется долго тебя ждать...

– И сколько же ты здесь сидишь?

– Понятия не имею. Ты такая красивая! Да садись же!

Улыбнувшись, она посмотрела на часы:

– Через час я улетаю.

– Сделаю все, чтобы ты опоздала! Чтобы никогда не попала на этот чертов рейс!

– Тогда я отчаливаю отсюда через две минуты, – заявила она и опустилась на стул.

– Ладно, обещаю, больше не буду. Смотри, что я тебе принес.

Он достал черный пластиковый пакет, положил на стол и пальцем пододвинул к ней. Она наклонила голову набок, в свойственной ей манере спрашивая: «Что это?» Прекрасно понимая ее мимику, он ответил глазами: «Открой». В пакете лежал маленький фотоальбом.

Он открыл его. Первая черно-белая фотография: лицом к лицу, положив руки друг другу на плечи, стоят два двухлетних малыша.

– Самый старый наш снимок, который я сумел отыскать, – пояснил он.

Перевернул лист и продолжал: – Вот на этой мы с тобой в Новый год, не помню какой, но нам тут и десяти еще нет, это точно. По-моему, это тот год, когда я подарил тебе мой крестильный образок.

Сьюзен расстегнула пуговичку на блузке и достала висящий на цепочке медальон с изображением святой Терезы, с которым никогда не расставалась. Перевернув еще несколько страниц, Сьюзен перебила Филипа:

– А тут нам по тринадцать, это в саду твоих родителей. Я только что тебя поцеловала, и не только губами, а языком, и ты мне сказал: «Какая гадость!» Это был наш первый поцелуй. А вот здесь мы двумя годами позже, и тут уже я сочла отвратительным твое предложение спать вместе.

На следующей странице Филип снова перехватил инициативу:

– Зато год спустя, после вот этой вечеринки, если память мне не изменяет, ты уже вовсе не считала это отвратительным.

Каждый квадратик глянцевого бумаги хранил в себе частичку их общего детства. Сьюзен остановила Филипа:

– Ты проскочил целых полгода. Разве нет фотографий с похорон моих родителей? А ведь именно тогда, как мне кажется, я сочла тебя страшно сексуальным!

– Ну и шутки у тебя, Сьюзен!

– А я не шучу. Да, тогда я почувствовала, что ты сильнее меня, и это очень меня поддержало. Знаешь, я никогда не забуду...

– Перестань...

– ...что ты сходил и принес мамино обручальное кольцо во время службы.

– Ладно, может, сменим тему?

– По-моему, именно ты каждый год напоминал мне о печальной дате. И на целую неделю становился таким внимательным, заботливым и предупредительным.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом?

– Валяй, переворачивай страницу, будем стариться дальше.

Он замер и посмотрел на нее потемневшими глазами. Улыбнувшись, она продолжила:

– Я знала, что это эгоизм с моей стороны – позволять тебе провожать меня.

– Сьюзен, зачем ты это делаешь?

– Чтобы мечта стала реальностью. Я не хочу закончить как мои родители, Филип. Всю свою жизнь они только и делали, что выплачивали кредиты. Чего ради? Чтобы погибнуть, врезавшись в дерево на только что купленной классной тачке? Вся их жизнь уместилась в две секунды вечерних новостей, которые я смотрела по отличному, правда, еще не оплаченному, телеку. Я никого и ни за что не осуждаю, Филип, но я хочу другого, ведь, заботясь о людях, я чувствую себя живой.

Он растерянно глядел на нее, восхищаясь ее решимостью. После несчастного случая она изменилась, словно ее годы пронесли галопом, как карты, которые для быстроты сдают по две. Сьюзен уже не выглядела на свои двадцать один – разве что когда улыбалась. Правда, улыбалась она часто. Закончив начальный курс в колледже и получив диплом художественного училища, она вступила в Корпус Мира, гуманитарную организацию, отправляющую молодежь в бедствующие страны для оказания помощи.

Менее чем через час она на два долгих года улетит в Гондурас. За несколько тысяч километров от Нью-Йорка, по другую сторону экватора.

На берегах залива в Пуэрто-Кастилье, да и в Пуэрто-Кортесе тоже, все жители, намеревавшиеся провести ночь под открытым небом, отказались от этой затеи. К концу дня поднялся ветер, он дул все сильнее и сильнее. Никто особенно не беспокоился: не в первый и не в последний раз надвигался тропический ураган. Все давно привыкли к ливням, частым в это время года. Казалось, день угас раньше обычного, и птицы все куда-то попрятались – верный знак грядущей непогоды. Ближе к полуночи взметнулись в воздух клубы песка, повиснув над землей темной тучей. Волны стремительно нарастали, заглушая крики людей, закреплявших лодки у причалов. Небо рассекали вспышки молний, а кипящая

белой пеной вода опасно кренила и раскачивала понтоны. Под натиском волн суда с треском ударились друг о друга. В 2 часа 15 минут тридцатипятиметровое грузовое судно «Сан-Андреа» было выброшено на рифы, в его борту по всей длине образовалась пробоина, и оно затонуло всего за восемь минут. В это же время в Эль-Голасоне, маленьком аэропорту Ла-Сейбы, серебристо-серый DC3, стоявший возле ангара, внезапно поднялся в воздух и приземлился у башни, где размещалась диспетчерская служба. Пилота на борту не было. Оба пропеллера погнулись, а корпус самолета разломился пополам. А еще несколькими минутами позже завалился набок грузовик-цистерна, и от искры вспыхнуло горючее.

Филип накрыл рукой руку Сьюзен, перевернул и погладил ее ладонь.

– Я буду очень по тебе скучать, Сьюзен.

– Я тоже... очень.

– Я горжусь тобой, хотя мне и не нравится, что ты вот так меня бросаешь.

– Замолчи, мы ведь договорились, что обойдемся без нытья.

– Не требуй невозможного!

Склонившись друг к другу, они почувствовали, как грусть расставания примешивается к счастью девятнадцатилетней дружбы, вместившей в себя почти всю их жизнь.

– Ты пришлешь мне весточку? – спросил он тоном маленького мальчика.

– Нет!

– Будешь мне писать?

– Интересно, у них здесь есть мороженое?

Обернувшись, он позвал официанта. Тот подошел, и Филип попросил принести два шарика ванильного мороженого, посыпанные миндалем, политые жидким шоколадом и карамелью. Именно такое мороженое больше всего любила Сьюзен, предпочитая его всем десертам на свете.

Сьюзен взглянула ему в глаза:

- А ты?

- Напишу, как только у меня будет твой адрес.

- Я не об этом. Ты решил, чем будешь заниматься?

- Два года в «Купер Юнион»[3 - Школа искусств в Нью-Йорке.], а потом попытаюсь сделать карьеру в каком-нибудь крупном рекламном агентстве.

- Значит, ты не поменял решения? Какую же глупость я сказала! Ты же никогда не меняешь своих решений!

- А ты? Разве ты меняешь свои?

- Ты не поехал бы со мной, предложи я тебе, потому что это не твой путь. А я не останусь здесь, потому что эта жизнь не для меня. Так что давай прекратим этот разговор.

Сьюзен с явным удовольствием поглощала мороженое и время от времени скармливала ложечку Филипу, который покорно его проглатывал. Она поскребла по дну креманки, подбирая остатки ореховой крошки. Большие часы на противоположной стене показывали пять - наступал вечер осеннего дня. Повисла странная тишина. Сьюзен смотрела в окно, прижавшись носом к стеклу, потом оторвалась от него, перегнулась через стол, обвила руками шею Филипа и выдохнула ему в ухо:

- Знаешь, а я боюсь.

Филип чуть отодвинул ее от себя, чтобы лучше видеть лицо, и ответил:

– Я тоже.

В три часа ночи в Пуэрто-Лемпире первая девятиметровая волна смела дамбу, попавшуюся ей на пути, и обрушила на порт тонны песка и камней, почти полностью его уничтожив. Металлический кран согнулся под напором ветра, его стрела упала и проломила обшивку контейнеровоза «Рио Платано», который тут же погрузился в бушующие воды. Еще какое-то время среди волн мелькал его устремленный к небу нос. Вскоре судно навсегда исчезло в темной бездне. В этих краях ежегодно выпадает больше трех метров осадков, и те, кому удалось пережить первые шквалы Фифи, укрывшись в глубине континента, погибли в пучине разбуженных рек, вышедших из берегов и сметавших все на своем пути. Все поселения долины были стерты с лица земли беснующимися потоками, уносившими вырванные с корнем деревья, обломки мостов, дорог и домов. В районе Лимона деревушки, угнездившиеся на склонах Амапалы, Пьедры-Бланки, Бискуампо-Гранде, Ла-Хиги и Капиро, смыло вниз, в затопленные долины. Немногие уцелевшие люди, сумевшие ухватиться за устоявшие деревья, в течение нескольких часов тоже погибли. В 2 часа 25 минут третья волна всей своей мощью обрушилась на департамент с символическим названием Атлантида, начисто срезав часть побережья одиннадцатиметровым лезвием. Миллионы тонн воды устремились к ЛаСейбе и Теле, пробивая себе путь по узким улочкам, теснота которых лишь усиливала напор воды. Дома, стоявшие на берегу, дрогнули первыми: их фундамент стремительно размывало водой, и они рушились один за другим. Шифер с крыш сначала взмывал вверх, а потом стремительно падал на землю, надвое рассекая тела первых жертв природной катастрофы.

Глаза Филипа скользнули к ее крепким, соблазнительно округлым грудям. Поймав его взгляд, Сьюзен расстегнула пуговку блузки и снова достала золотой медальон.

– Я ведь ничем не рискую, у меня есть твой талисман, и я с ним не расстаюсь. Один раз он уже спас меня. Благодаря ему я не села тогда в машину с родителями.

– Ты мне это уже сто раз говорила. Будь любезна, не вспоминай об этом сейчас, перед полетом, ладно?

– Как бы то ни было, – сказала она, убирая медальон, – пока он здесь, со мной ничего не случится.

Медальон был символом их духовного родства. Однажды летом они решили стать названными братом и сестрой. Эта идея подверглась всестороннему изучению. Набрав в библиотеке книжек об индейцах, перечитав их во время школьных перемен, они нашли единственно верный способ осуществить задуманное. Нужно было смешать кровь, а для этого следовало что-нибудь себе порезать. Сьюзен позаимствовала у отца из стола охотничий нож, и они спрятались в шалаше Филипа. Филип протянул палец, зажмурил глаза, но, когда Сьюзен поднесла нож, у него все равно закружилась голова. Поскольку самой Сьюзен тоже было не по себе, оба снова погрузились в учебники апачей, пытаясь отыскать другое решение проблемы. «Подношение какого-либо священного предмета в подарок подтверждает вечную связь двух душ», утверждалось на странице 236.

Уточнив значение слова «подношение», они единодушно выбрали этот вариант. На торжественной церемонии, во время которой прозвучали избранные стихи ирокезов и сиу, Филип надел свой крестильный медальон на шею Сьюзен. С тех пор Сьюзен никогда с ним не расставалась, ни разу не уступив требованиям матери снимать медальон хотя бы на ночь.

Сьюзен улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

– Поможешь мне с рюкзаком? Он весит тонну, а мне нужно переодеться, не то я от жары подохну, когда прилечу на место.

– Но ты и так в одной майке!

Она уже встала и тащила его за руку, жестом попросив бармена оставить столик за ними. Тот согласно кивнул: зал был практически пуст. Филип поставил рюкзак у дверей туалета. Сьюзен повернулась к нему:

– Зайдешь? Я же говорила, что он тяжелый.

– Зашел бы, но туалет, кажется, женский?

– Ну и что? Ты теперь боишься подглядывать за мной в туалете? Войти тебе кажется сложнее, чем смотреть через перегородку, как в лицее, или через замочную скважину ванной, как у тебя дома? Заходи, не стесняйся!

Она потянула его за собой, и ему ничего не оставалось, как подчиниться. За дверью Филип с облегчением вздохнул: здесь была только одна кабинка. Сьюзен, ухватившись за его плечо, сняла туфлю и прицелилась в лампочку на потолке. Она попала в нее с первой же попытки: с сухим треском лампочка разлетелась вдребезги. В полумраке, при свете одинокого неоновомго светильника над зеркалом, Сьюзен прислонилась к раковине, обняла Филипа и приникла губами к его губам. Прервав на мгновение свой бесподобный поцелуй, она с жаром прошептала ему на ухо слова, от которых у Филипа по всему телу прошла дрожь.

– Я надела твой медальон еще до того, как мои груди начали расти, и мне бы хотелось, чтобы твоя кожа подольше сохранила память о них. Я уезжаю, но не хочу, чтоб ты забыл меня, не хочу, чтоб за это время ты достался другой.

– Да у тебя, оказывается, мания величия!

Она заперла дверь.

– Не говори ничего, ласкай меня, – шептала Сьюзен. – Хочу посмотреть, чему ты научился...

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись за свой столик под испытующим взглядом бармена, протиравшего стаканы.

Филип снова взял в руки ладонь Сьюзен, но ему показалось, что девушка уже где-то далеко.

На севере, в устье долины Сулы, селевые потоки сметали все на своем пути, несясь вперед с оглушающим грохотом. В ревущем месиве мелькали автомобили, трупы животных, обломки домов, а иногда и изуродованные человеческие тела. Ничто не могло устоять перед этим напором: столбы электропередачи, грузовики, мосты, заводы – все уносила с собой неудержимая сила. В считанные часы цветущая долина превратилась в озеро. Спустя много лет старожилы рассказывали, что именно красота окружающего пейзажа заставила Фифи задержаться здесь на целых два дня. Два дня, лишившие жизни десять тысяч человек – мужчин, женщин, детей; два дня, оставившие без пищи и крова шестьсот тысяч местных жителей. За сорок восемь часов маленькая страна размером со штат Нью-Йорк, втиснутая между Никарагуа, Сальвадором и Гватемалой, была сметена силой, равной трем атомным бомбам.

– Сьюзен, сколько ты там пробудешь?

– Мне в самом деле пора идти. Ты останешься здесь?

Филип молча поднялся, бросив на столик доллар. Выйдя в коридор, Сьюзен прижалась лицом к стеклу и поглядела на пустые стулья, на которых они только что сидели. Пытаясь справиться с охватившими ее чувствами, она заговорила быстро-быстро:

– Ну вот, когда я вернусь через два года, ты будешь ждать меня здесь, и мы с тобой тут встретимся как бы тайком. Я расскажу тебе, чем занималась все это время, и ты тоже расскажешь мне о том, что делал. И мы усядемся за этот самый столик, потому что он будет наш. И если я стану Флоренс Найтингейл современности, а ты – знаменитым художником, то в будущем над этим столиком будет красоваться медная табличка с нашими именами.

У зала вылета она сообщила, что не станет оборачиваться, потому что не желает помнить его унылую физиономию, а хочет сохранить в памяти его улыбку. Она также не желала замечать, что его родители не пришли ее проводить... Щадя ее чувства, отец и мать Филипа решили не приезжать в аэропорт. Филип обнял ее, прошептал: «Береги себя». Сьюзен крепко прижалась к нему, словно надеялась увезти с собой аромат его тела и оставить ему свой. Отдав билет стюардессе, она в последний раз обняла Филипа и надула щеки, чтобы он запомнил это

клоунское выражение ее лица. А потом помчалась по ступенькам вниз, пробежала по летному полю, взлетела по трапу и исчезла в чреве самолета.

Филип вернулся в бар и уселся за тот же столик. Двигатели «Дугласа» заработали, выплевывая клубы серого дыма. Лопасты пропеллеров разок крутанулись против часовой стрелки, затем дважды медленно провернулись в обратном направлении и стали невидимыми. Самолет развернулся, вырулил на взлетную полосу, к месту старта, и замер, готовясь к разгону. Растущая вдоль полосы трава низко склонилась, словно отвечая на приветствие самолета. Стекла бара завибрировали, когда двигатели заработали на полную мощность, закрылки напоследок махнули провожающим, и двухмоторный самолет начал разбег. Быстро набирая скорость, он вскоре поравнялся с Филипом, и юноша увидел, как поднялся хвост и шасси оторвалось от земли. DC3 быстро набрал высоту, лег на правое крыло и исчез за тонкой пеленой облаков.

Филип некоторое время не отрываясь смотрел в небо, затем перевел взгляд на пустой стул, где несколько минут назад сидела она. И его охватило чувство глубокого одиночества. Он встал и пошел прочь, засунув руки в карманы.

2

25 сентября, на борту самолета...

Мой Филип,

по-моему, мне не удалось скрыть от тебя свой страх. Я только что видела, как исчезли огни аэродрома. И, пока земля не исчезла за облаками, у меня кружилась голова, но теперь мне гораздо лучше. Я разочарована – не удалось увидеть Манхэттен, но только что в облаках под нами образовался просвет, и я вижу гребни волн. Отсюда они такие маленькие, как барашки. Я даже увидела огромный корабль, который направляется к тебе. Скоро у тебя будет хорошая погода.

Не знаю, разберешь ли ты мой почерк, уж больно сильно трясет. Меня ждет долгое путешествие, через шесть часов я буду в Майами, после первой

пересадки в Вашингтоне, а там мы сядем на другой самолет и полетим в Тегусигальпу. В самом названии уже чудится что-то волшебное. Я думаю о тебе, сейчас ты, должно быть, едешь домой. Крепко обними за меня твоих родителей, я тебе напишу, расскажу о своем путешествии, ты тоже береги себя, мой Филип...

Сьюзен,

я только что вернулся домой, родители с расспросами не приставали, думаю, все поняли по моему лицу. Я корю себя за то, как вел себя в аэропорту, мне следовало уважать твою радость и твое желание уехать отсюда, ты совершенно права: не знаю, хватило бы мне мужества уехать, если бы ты предложила. Но ты этого не сделала, по-моему, это к лучшему. Не очень понимаю, что означает эта последняя фраза. Вечера без тебя кажутся такими долгими. Я отправлю это письмо на адрес Корпуса Мира в Вашингтоне, оттуда его перешлют тебе.

Я уже очень сильно по тебе скучаю.

Филип

...Я снова взялась за бумагу и карандаш, небо залито потрясающим светом, ты никогда такого не видел, да и я, впрочем, тоже... Здесь, над облаками, я люблюсь настоящим закатом, это совершенно сумасшедшее зрелище. Мне до смерти обидно, что тебя здесь нет и ты не видишь то, что вижу я. Забыла тебе сказать кое-что очень важное: по-моему, я буду чертовски по тебе скучать.

Сьюзен

15 октября 1974 года

Сьюзен,

прошло уже три недели после твоего отъезда, а я все еще не получил даже твоего первого письма, наверное, оно путешествует где-то между тобой и мной.

Наши близкие частенько спрашивают меня, нет ли от тебя новостей, так что, если я вскорости ничего от тебя не получу, придется что-то выдумывать...

15 октября, немного позже

Филип,

долетела я ужасно. Мы проторчали четыре дня в Майами, ожидая, когда придут два контейнера с продовольствием и откроется аэропорт Ла-Сейбы, где мы планировали сделать пересадку. Я хотела было воспользоваться этой задержкой, чтобы посмотреть город, – размечталась! Наше подразделение поселили в ангаре, где мы и провели все это время. Трехразовое питание, душ два раза в день и походная койка. Интенсивные курсы испанского и первой помощи. Почти как в армии, разве что сержантов нет. В итоге мы долетели на DC3 до Тегусигальпы, а оттуда на военном вертолете нас доставили в Рамон-Вильесла-Моралес, на крошечный аэродром близ Сан-Педро-Сулы. Это невозможно себе представить, но с воздуха кажется, что страна подверглась массивной бомбардировке. Километры и километры опустошенных земель, остовы домов, разрушенные мосты и стихийные кладбища почти повсеместно. Мы летели на небольшой высоте и видели руки, торчащие из грязи и словно бы тянущиеся к небу, а рядом бесчисленные трупы животных, застывшие брюхом кверху. Вонь стоит чудовищная. Дороги разрушены и смахивают на ленточки, небрежно снятые с растерзанной упаковки. Вырванные с корнем деревья валяются грудями. Количество погибших никто не подсчитывал, но их тысячи. Кто знает, сколько под этой грязью погребено трупов? И как уцелевшие найдут в себе силы выжить в этом кошмаре? Здесь нужны сотни людей для оказания помощи, а нас в вертолете было всего шестнадцать.

Скажи мне, Филип, почему наши великие державы отправляют людей воевать легионами и не могут послать хотя бы горстку добровольцев для спасения детей? И сколько нам нужно времени, чтобы понять такую простую истину? Филип, тебе я могу признаться в очень странном ощущении, которое не покидает меня: здесь, среди разрухи и мертвецов, я, как никогда, чувствую себя живой. Что-то во мне изменилось, отныне жизнь для меня не право, а привилегия. Я очень тебя люблю, мой Филип.

Сьюзен

25 октября

Сьюзен,

на этой неделе, как раз когда я получил твое первое письмо, в прессе появились репортажи о тех ужасах, что творятся там, где ты сейчас. В газетах сообщают о десяти тысячах погибших. Я каждое мгновение думаю о тебе, пытаюсь представить, как ты живешь. Во вчерашней «Монтклер таймс» один журналист написал о гуманитарной помощи, которую оказывает пострадавшим наша страна, и упомянул тебя в конце статьи. Я вырезал ее и вкладываю в конверт вместе с письмом. Все о тебе спрашивают – от этого я только острее чувствую твое отсутствие. Как же мне тебя недостает! Снова начались занятия, я ищу жилье поближе к факультету, присмотрел нуждающуюся в ремонте мастерскую в маленьком четырехэтажном домике на Брум-стрит. Квартал в весьма жалком состоянии, но студия большая и по цене вполне доступная, и потом, ты только представь – поселиться на Манхэттене! Когда ты вернешься, мы будем жить всего в нескольких домах от «Филм-Форума», помнишь такой? Трудно поверить, но в витрине бара напротив висит маленький флаг Гондураса. Поджидая тебя, я каждый день буду проходить мимо него. Это знак. Будь осторожна. Я по тебе скучаю.

Филип

Письма от Сьюзен приходили по одному в неделю, он отвечал на них в тот же вечер. Иногда он получал ответ на свои вопросы прежде, чем успевал их задать. На двадцатой параллели люди собирались с духом, страна пыталась восстановить порядок в катастрофических условиях. Сьюзен и ее товарищи разбили первый лагерь для беженцев. Они устроили его в долине Сулы, между горами Сан-Идельфонсо и Кабасерас-де-Нако. В январе они провели кампанию вакцинации. Сьюзен на стареньком грузовике колесила по дорогам, раздавая продовольствие, мешки семян и медикаменты. А когда не сидела за рулем «доджа», то занималась благоустройством базового лагеря. В первом построенном бараке разместился диспансер, во втором – администрация. В десяти землянках уже жили тридцать семей. К концу февраля в поселке Сьюзен, состоявшем из трех улочек, было два здания, двадцать одна хижина и двести жителей, две трети которых наконец-то снова обрели крышу над головой.

Остальные спали пока в палатках. Там, где образовалось нечто напоминающее центральную площадь, начали возводить школу. Каждое утро, кое-как проглотив кукурузную лепешку, Сьюзен отправлялась на склад – в деревянный сарай, который закончили строить к Рождеству, – загружала свой грузовик и собиралась в путь. Хуан заводил ключом мотор, который долго чихал, сотрясая всю кабину, и Сьюзен снимала с руля руки, потому что от вибрации они начинали ныть, и терпеливо ждала, пока цилиндры разогреются и клапаны застучат ритмично.

Хуану не исполнилось и восемнадцати. Он родился в Пуэрто-Кортесе, родителей своих не помнил. В девять лет он уже работал грузчиком в порту, в одиннадцать с половиной поднимал сети на рыболовецком судне. В тринадцать пришел в долину, и с тех пор его здесь все знали. Подросток с повадками взрослого мужчины заприметил «белую сеньору», как только та вышла из автобуса, прибывшего из Сулы, и тут же увязался за ней. Сьюзен сперва приняла его за побирушку, но он не нищенствовал, для этого он был слишком горд. Хуан жил тем, что в сезон ливней выполнял всякую посильную работу за пищу и кров. Он чинил крыши, красил стены, ковал лошадей, перегонял стада, перетаскивал на плечах всякую поклажу, чистил хлева и риги. Если нужно было завести светло-голубой «додж», погрузить в него ящики, проехаться в кузове, чтобы помочь в поездке, Хуан был тут как тут, едва только замечал выражение лица Сьюзен, означавшее «мне нужна помощь». Начиная с ноября она каждое утро брала с собой две кукурузные лепешки, к которым иногда прибавляла плитку шоколада, и они вместе завтракали, прежде чем отправиться в путь. Даже при самых оптимистических прогнозах нового урожая следовало ждать еще целый сезон, а разрушенные дороги не позволяли развозить по стране скоропортящееся продовольствие. Так что приходилось довольствоваться так называемыми продуктами первой необходимости, которые воспринимались жителями как пища богов. В поездках по опустошенным деревням присутствие Хуана в кузове придавало Сьюзен уверенности, тем более что повсюду на их пути царила гробовая тишина.

8 января 1975 года

Филип,

первый раз я встречаю Новый год вдали от тебя, от дома, от всего. Странное ощущение: все смешалось, переплелось – острое чувство одиночества, охватившее меня, и радостное осознание того, что моя нынешняя жизнь, как никогда, насыщена и полна необычайных событий. Многие годы в новогоднюю ночь мы с тобой обменивались подарками – на этот раз я провела ее среди людей, лишенных всего. Местные ребята передрались бы между собой за одни только обертки от наших подарков, за кусочек бечевки. Однако ты и представить себе не можешь ту атмосферу праздника, которая царила в поселке. Мужчины стреляли в воздух, славя надежду, которая помогает им выжить. Женщины танцевали, вовлекая ребятню в безумное веселье хороводов, а я – я была ошеломлена. Я помню тоску, в которую обычно погружало нас приближение Нового года, помню, как делилась с тобой своими страхами и печалью, поскольку не все складывалось так, как мне хотелось. А здесь все в трауре, вдовы, вдовцы, сироты, но с каким потрясающим достоинством они держатся за жизнь. Боже, как прекрасен этот народ в годину бедствий! Подарок на Рождество мне преподнес Хуан, да какой подарок! Это мой первый дом, и он будет очень красивым; уже через несколько недель я смогу в нем поселиться. Хуан ждет конца месяца: дожди прекратятся, и тогда он его покрасит. А пока я попробую описать тебе этот дом. Фундамент Хуан соорудил из земли, смешав ее с соломой и камнями, а стены выложил из кирпича. С помощью жителей деревни он где-то раскопал среди обломков оконные рамы и вставил их по обе стороны от красивой синей двери. Пол моей единственной комнаты пока земляной. Слева будут находиться труба и выложенный из камней очаг – вот тебе и кухня. А для душа он установит на плоской крыше цистерну, и я смогу, дергая за цепочку, мыться холодной или теплой водой, в зависимости от времени суток. В таком описании моя душевая, возможно, покажется тебе ужасной, а дом – спартанским, но я знаю, что он будет очень уютным. Кабинет я себе устрою в углу гостиной, где Хуан обещал настелить полы, как только найдет, из чего их сделать. Еще есть маленькая лесенка, которая ведет на полати, где я положу свой матрас. Ну да ладно, довольно хвастаться, теперь твой черед писать. Расскажи, как ты провел праздники, как вообще поживаешь. Мне тебя по-прежнему недостает. Осыпаю поцелуями.

Твоя Сьюзен

29 января 1975 года

Сьюзен,

я не получил твоего поздравления! Во всяком случае, пока. Надеюсь, рисунок, который я тебе отправляю, не слишком пострадает при пересылке. Вероятно, тебя озадачит этот вид улицы ранним утром. Ну так вот, у меня для тебя важная новость: свершилось, я сижу в мастерской на Брум-стрит и пишу тебе, глядя в окно на пустынную улицу Сохо – это и есть тот самый вид, который я нарисовал для тебя. Ты даже представить себе не можешь, насколько для меня все изменилось с переездом из Монтклера: я словно бы потерял привычные ориентиры, но в то же время знаю, что этот переезд принесет мне много хорошего.

Встаю я рано и завтракаю обычно в кафе «Реджио». Оно немного в стороне от дома, но мне приятно пройтись при утреннем свете по этим улочкам с неровной булыжной мостовой и разбитыми тротуарами с темными пятнами вара, инкрустированными кусочками стекла, мимо домов, украшенных резными металлическими лестницами. Ты ведь тоже обожаешь эти места. Знаешь, по моему, я готов писать тебе всякую ерунду, лишь бы ты время от времени вспоминала меня, отвечала мне и рассказывала о себе. Я и подумать не мог, что буду так сильно по тебе скучать. Я цепляюсь за свои занятия и каждый день твержу себе, что время без тебя тянется невыносимо медленно и что мне следовало бы прыгнуть в ближайший самолет и лететь к тебе, даже если я знаю (ты и сама не раз мне это говорила), что это не мой путь, что это не моя жизнь. Но вдали от тебя я задаюсь вопросом: а что же такое моя жизнь?

Ну вот, если это письмо не оказалось в мусорной корзине, значит, бурбон, который я только что допил, подействовал, и я запретил себе перечитывать письмо поутру или же еще ночью бросил его в пасть почтового ящика на углу. Когда рано утром я выхожу из дому, то всякий раз, переходя дорогу, бросаю взгляд на этот ящик, словно именно он нынче вечером, когда я вернусь с занятий, выдаст мне твое письмо. Иногда мне кажется, что он мне улыбается, а иногда – что он издевается надо мной. Холод стоит собачий. Целую.

Филип

27 февраля 1975 года

Филип,

письмо короткое. Прости, что не пишу тебе чаще, но дел невпроворот, и когда я прихожу домой, то на письмо не остается сил, еле-еле добираюсь до койки, чтобы поспать хоть несколько часов. Февраль подходит к концу, три недели ни одного дождя, и это похоже на чудо. Вместо грязи появилась первая пыль. Наконец-то мы смогли по-настоящему взяться за работу, и мне кажется, что наши усилия не пропали даром: жизнь начинает возрождаться.

В первый раз я сижу за собственным письменным столом, твой рисунок я повесила над очагом, так что у нас с тобой перед глазами один и тот же вид.

Я очень рада, что ты переселился на Манхэттен. Как идут дела в университете? Должно быть, вокруг тебя так и роятся студентки, не устоявшие перед твоими чарами? Воспользуйся этим, старина, только не заставляй их сильно страдать. Нежно целую.

Сьюзен

4 апреля 1975 года

Сьюзен,

праздничные огни уже давно погасли, да и февраль далеко позади. Две недели назад выпал снег, парализовав жизнь города на добрых три дня, – всюду царила неопишуемая паника. Машины встали, такси на Пятой авеню выписывали немыслимые зигзаги, пожарные не смогли потушить пожар – вода замерзла. Но самое ужасное, что трое бродяг умерли от холода в Центральном парке, в том числе одна женщина тридцати лет. Ее обнаружили сидящей на скамейке. В телевизионных новостях с утра до вечера только о ней и говорили. Никто не может понять, почему муниципальные власти не открывают приюты, когда наступают холода. Возможно ли, чтобы в наши дни люди вот так умирали на улицах Нью-Йорка? Это удручает. А ты, значит, тоже переехала в новый дом? Твоя фраза об университетских девочках меня очень повеселила. Так что теперь мой черед: что это за Хуан, который так о тебе заботится? Я вкалываю как проклятый, экзамены через несколько месяцев. Ты еще хоть немного по мне скучаешь? Ответь поскорее.

Филип

25 апреля 1975 года

Филип,

я получила твое письмо и уже давно должна была бы ответить, но никак не могла выкроить время. Уже конец апреля, погода у нас великолепная, но очень жарко, и порой запах стоит невыносимый. Десять дней мы с Хуаном провели в пути, пересекли всю долину Сулы и поднялись вверх на гору Кабасерас-де-Нако. Целью нашей поездки были поселения в горах. Добраться туда нелегко. «Додж» – так мы окрестили наш грузовичок – пару раз нас подводил, но у Хуана руки просто золотые. У меня до сих пор спина не разгибается: ты и представить себе не можешь, что значит поменять колесо на таком драндулете. Крестьяне сперва приняли нас за сандинистов, а те, в свою очередь, частенько принимают нас за военных в штатском. Если бы они наконец договорились между собой, то сильно бы облегчили нам жизнь.

На первом блокпосте, признаюсь, душа у меня ушла в пятки. Никогда прежде мне в лицо не смотрело дуло автомата. Мы выторговали свободный проезд за несколько мешков зерна и десятков одеял. Дорога, петляющая по склону горы, оказалась почти непроходимой. Мы потратили два дня, чтобы подняться на 1000 метров... Трудно описать то, что мы обнаружили наверху. Истощенные люди, которым еще никто и никогда ничем не помогал. Хуану пришлось изрядно потрудиться, чтобы завоевать доверие мужчин, охранявших дорогу...

Их встретили с большим недоверием. Шум мотора оповестил об их приближении, и жители деревушки столпились вдоль дороги, следя за медленным продвижением «доджа», у которого при каждом вираже натужно ревела коробка передач. На последнем повороте перед вожаком на дорогу внезапно выскочили двое мужчин и с двух сторон вспрыгнули на подножки, направив мачете внутрь кабины. От неожиданности Сьюзен со всей силы нажала на тормоза, и машина чуть было не улетела в пропасть.

Сьюзен в бешенстве вылетела из кабины, забыв про испуг. Она так резко открыла дверцу, что один из мужчин полетел на землю. Глаза ее метали молнии. Уперев руки в бока, она от души его обругала. Крестьянин обалдело поднялся с

земли, не понимая ни слова из того, что орала ему в лицо женщина с белой кожей, но в том, что «белая сеньора» пылала гневом, сомнений не было. Вылез и Хуан, он держался куда спокойнее и постарался разъяснить собравшимся причину их появления. После некоторого колебания один из добровольных охранников поднял левую руку, и к ним приблизилось около десятка деревенских. Они принялись спорить, страсти явно накалялись. Тогда Сьюзен взобралась на капот и хладнокровно велела Хуану давить на клаксон. Улыбнувшись, юноша подчинился. Крестьяне, голоса которых перекрыло гудение машины, мало-помалу замолчали. Все повернулись к Сьюзен. И тогда на лучшем своем испанском она обратилась к тому, кого сочла главным:

– Я привезла одеяла, продукты и медикаменты. Либо вы поможете мне все это выгрузить, либо я пускаю машину под откос и возвращаюсь домой пешком!

Из толпы вышла женщина и, перекрестившись, встала перед машиной. Сьюзен прикинула, как бы ей слезть, не вывихнув при этом ногу. Женщина протянула ей руку, а следом за ней и один из мужчин. Сквозь толпу Сьюзен пробралась к кузову, где стоял Хуан. Горцы медленно расступались, давая ей пройти. Хуан запрыгнул в кузов, и они вместе откинули борт. Под молчаливыми взорами жителей Сьюзен подняла стопку одеял и швырнула на землю. Никто не шевельнулся.

– Да что с ними такое, черт подери?!

– Сеньора, – вмешался Хуан, – то, что вы привезли, для этих людей просто бесценно. Они ждут, когда вы скажете, что хотите взамен, и знают, что им нечего вам предложить.

– Ну так скажи им: единственное, что от них требуется, это помочь выгрузить барахло!

– Не все так просто.

– И что же делать, чтобы стало просто?

– Наденьте вашу повязку Корпуса Мира, поднимите одно из одеял, которые кинули на землю, пойдите и набросьте его на плечи той женщине, что перекрестилась.

Накинув одеяло на плечи женщине, Сьюзен пристально поглядела той в глаза и проговорила по-испански:

– Я привезла вам то, что вам давным-давно должны были доставить. Простите, что приехала так поздно.

Женщина – ее звали Тереза – обняла и расцеловала Сьюзен. Воодушевленные мужчины кинулись к грузовику и мигом его опустошили. Хуана и Сьюзен пригласили на совместную трапезу с обитателями деревни. С наступлением ночи крестьяне разожгли большой костер и приготовили угощение.

Во время ужина к Сьюзен сзади подкрался мальчуган. Почувствовав его присутствие, она обернулась с улыбкой, но мальчишка тут же убежал. Чуть позже он появился снова и подошел чуть ближе. Сьюзен ему подмигнула, и он снова удрал. Так повторялось еще несколько раз, пока наконец он не подошел вплотную. Сьюзен смотрела на него, не говоря ни слова. Из-под толстого слоя грязи, покрывавшей его мордашку, на нее глядели изумительно красивые агатовые глаза.

Сьюзен протянула малышу руку ладонью вверх. Глаза ребенка некоторое время перебежали с ее лица на руку и обратно, потом он застенчиво ухватил ее за палец. Знаком он повелел ей хранить молчание, и она почувствовала, как маленькая ручка куда-то ее тянет. Сьюзен встала и позволила повести себя по темным узким проходам между домами. Мальчик остановился возле плетеной изгороди, прижал палец к губам, призывая не шуметь, и потянул руку Сьюзен вниз, показывая, что ей нужно присесть на корточки. Потом показал на дырку в плетне и припал к ней глазами, подавая пример Сьюзен. Как только он отодвинулся, Сьюзен наклонилась посмотреть, что же заставило мальчугана собрать все свое мужество и притащить ее сюда.

...Я увидела маленькую девочку лет пяти, умирающую от запущенной гангрены ноги. Когда селевым потоком часть деревни смыло, один мужчина, оседлав ствол дерева, стал в отчаянии искать в потоке грязи свою дочку и вдруг заметил ее маленькую ручку. Он ухитрился спасти девочку. Прижимая к себе ребенка, он в кромешной темноте преодолел многие километры, изо всех сил стараясь держать ее головку над поверхностью воды, а вокруг редела и бушевала стихия. Он держался из последних сил, потом потерял сознание. На рассвете мужчина

очнулся и увидел, что девочка рядом с ним. Они оба были изранены, но живы. Только вот спас он не свою дочку. Тела своего ребенка он так и не нашел...

Мы убеждали его целую ночь, прежде чем он согласился доверить нам малышку. Я не была уверена, что она переживет дорогу, но там, наверху, она не протянула бы и нескольких дней. Я пообещала мужчине, что вернусь вместе с девочкой через месяц или два на грузовике, полном продовольствия, и только тогда он согласился – больше ради других, я подозреваю. И хотя я поступила правильно, он так на меня смотрел, что я чувствовала себя последней сволочью. Мы вернулись в Сан-Педро, девочка по-прежнему на грани жизни и смерти, а я совершенно опустошена. И что это за дурацкие намеки относительно моего помощника Хуана? Я же не на каникулах в летнем лагере в Канаде! И все-таки я тебя целую.

Сьюзен

P. S. Поскольку мы поклялись всегда говорить друг другу правду, то должна тебе признаться: и ты, и твой Нью-Йорк – идите-ка вы куда подальше с вашими историями о бомжах!

Письмо от Филипа она получила много позже. Хотя написал он его задолго до того, как получил ее послание.

10 мая 1975 года

Сьюзен,

я тоже затянул с ответом, вкалывал как сумасшедший, только что сдал сессию. Город оделся в майскую зелень, и этот цвет ему к лицу. В воскресенье прошелся с друзьями по Центральному парку. Влюбленные парочки на газонах возвещают приход весны. Я забираюсь на крышу своего дома и рисую, глядя на раскинувшийся внизу квартал. Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь! На лето я устроился стажером в рекламное агентство. Расскажи, что у тебя, где ты? Ответь поскорее, когда от тебя долго нет вестей, я начинаю волноваться.

До очень скорого, люблю.

Филип

В глубине долины Сьюзен заметила первые проблески рассвета, пробивающиеся сквозь ночной мрак. Вскоре дорога засверкала под солнечными лучами, напоминая нескончаемую ленту, опоясывающую бескрайние пастбища, еще влажные от росы. В бледном небе появились первые птицы. Сьюзен потянулась. Ломило поясницу, она глубоко вздохнула. Спустившись вниз, прошлепала босиком по земляному полу к раковине. Погрев руки над угольками, еще тлеющими в очаге, она взяла деревянную коробку с полки, которую смастерил для нее Хуан, и насыпала кофе в турку. Добавила воды и поставила турку на решетку над угольками.

Пока варился кофе, она чистила зубы, заодно разглядывая свою физиономию в маленьком зеркальце, висящем на гвозде. Состроив рожицу своему отражению, она пригладила рукой взъерошенные волосы. Затем стянула с плеча футболку и принялась изучать след от укуса паука.

– Вот пакость-то!

Она влезла на полати и, стоя на четвереньках, стала энергично перетряхивать свое лежбище в поисках агрессора. Шум закипевшей воды заставил ее бросить это занятие и спуститься вниз. Обмотав руку тряпочкой, она взялась за турку, плеснула черной жидкости в чашку, прихватила со стола банан и отправилась завтракать на свежий воздух. Усевшись на ступеньках, поднесла чашку к губам, взглядом уносясь за горизонт. Потерла лодыжку и вдруг вздрогнула. Вскочила, подбежала к письменному столу и схватила шариковую ручку.

Филип,

надеюсь, эта коротенькая записочка дойдет до тебя быстро. Я хочу тебя кое о чем попросить: ты не мог бы прислать мне крем для тела и мой шампунь?

Надеюсь на тебя. Возмещу все расходы, как только увидимся. Целую.

Сьюзен

Субботный день подходил к концу, на улицах было многолюдно. Филип расположился на террасе кафе, намереваясь закончить эскиз. Он заказал чашку черного кофе – эспрессо в те годы еще не перебрался через Атлантику. Провожая рассеянным взглядом молоденькую блондинку, переходившую улицу по направлению к кинотеатру, он неожиданно поймал себя на мысли сходить в кино. Расплатившись, встал. Два часа спустя он уже выходил из кинозала. Июльский вечер баловал город роскошным закатом. На перекрестке Филип привычно поприветствовал почтовый ящик, подумал было присоединиться к друзьям в бистро на Мерсер-стрит, но решил пойти домой.

Сунув плоский ключ в замочную скважину, он поискал единственно верное положение, которое отпирало замок, и толкнул тяжелую деревянную дверь подъезда. Щелкнул выключателем, тусклая желтая лампочка осветила узкий коридор. Из почтового ящика торчал уголок голубого конверта. Схватив его, Филип торопливо взбежал по лестнице. Когда он плюхнулся на диван, листок бумаги был уже развернут.

Филип,

если это письмо дойдет до тебя недели за три, значит, будет середина августа и до встречи останется всего год. В общем, я хочу сказать, что полпути уже пройдено. У меня не было времени тебе сообщить, но, похоже, меня ждет повышение. Поговаривают, что будет разбит еще один лагерь в горах и меня, по всей видимости, назначат им руководить. Спасибо за посылку, и знай: хотя я пишу все реже, скучаю по-прежнему. А ты, должно быть, постарел! Напиши мне.

Сьюзен

10 сентября 1975 года

Сьюзен,

я больше никогда не смогу спокойно смотреть на титры «Прошел год...», которые порой встречаются в кино. Я раньше не понимал, что скрывается за этим скромным многоточием, смысл которого очевиден лишь тому, кто знает, насколько одинок человек, живущий ожиданием. До чего же бесконечны часы, что тянутся между этими кавычками! Лето заканчивается, моя стажировка тоже. В агентстве мне предложили работать у них после получения диплома. Я ни разу не искупался, поскольку имел глупость сходить в кино, где вдоволь насмотрелся на здоровенную белую акулу, которая терроризирует наши пляжи. Режиссер тот же, что снял «Дуэль». Помнишь этот фильм, мы его смотрели с тобой в «Филм-Форуме», и он нам жутко понравился? Мог ли я тогда предположить, что несколько лет спустя поселюсь на той самой улице и буду коротать свои дни в ожидании тебя неподалеку от бара, в который мы всегда заходили после кино? Мог ли представить, что буду писать тебе на другой конец земли? Во время одной особенно жуткой сцены сидевшая рядом со мной девушка со всей силы впиалась ногтями в мою руку, лежавшую на подлокотнике. Самое смешное, что потом до самого конца сеанса она непрерывно извинялась. Никогда еще я не слышал столько «простите» и «мне так стыдно» за один час. Знаешь, ты бы меня не узнала, но я, которому обычно полгода надо раскачиваться, чтобы заговорить с девушкой, улыбнувшейся на выходе из ресторана, на этот раз смог-таки выговорить: «Если вы будете болтать и дальше, нас отсюда выставят, так что давайте лучше продолжим разговор после кино, где-нибудь в кафе за рюмочкой». Она заткнулась до конца сеанса, но фильм я смотреть уже не мог, хотя и был совершенно уверен, что девица испарится вместе с последним кадром. Но, когда свет зажегся, она пошла за мной, и я услышал сзади ее голос: «И где же мы поужинаем?» Мы отправились в «Фанелли». Ее зовут Мэри, она учится на журналистике. Сейчас вечер, льет как из ведра, и лучше я отправлюсь спать, а то плету невесть что, лишь бы заставить тебя ревновать. Пиши.

Филип

Ноябрь 1975 года, какой день, не знаю

Мой Филип,

после моего последнего письма прошло несколько недель, но тут время течет по-другому. Помнишь, я писала тебе о девочке? Я отвезла ее к ее новому папе. Ногу ей спасти не удалось, я не знала, как он это воспримет, и страшно

волновалась всю дорогу. Мы с Хуаном забрали малышку из больницы в Пуэрто-Кортесе. В кузове «доджа» Хуан соорудил для нее что-то вроде лежанки из мешков с мукой. Когда мы за ней приехали, девочка ждала нас в коридоре, лежа на каталке. Я заставила себя смотреть ей в лицо, а не на культю. Зачем обращать внимание на то, чего нет, забыв о том, что есть? Зачем придавать значение тому, что плохо, вместо того чтобы радоваться тому, что хорошо?

Меня все время мучил вопрос: как она будет жить с таким увечьем? Хуан понял мое молчание и, прежде чем я успела с ней заговорить, прошептал мне на ухо: «Не показывай свою боль, порадуйся за нее. Ее отличие от других не в том, что у нее отняли ногу, а в том, что она все-таки выжила».

И он прав. Мы устроили ее на мешках и двинулись в горы. Хуан присматривал за ней всю дорогу, пытался ее развлечь, а заодно и меня привести в норму. И с этой целью он все время надо мной насмехался. Кривляясь, изображал, как я веду тяжелый грузовик, который все время норовит мне доказать, что он мощнее меня, будто недостаточно семи тонн его веса! Хуан скрючивался, вытягивал руки вперед, будто вцепившись в руль, и корчил гримасы, показывая, каких усилий мне стоит удержаться на трассе при каждом вираже, – я жалела, что мой испанский не позволяет в полной мере оценить его забавные комментарии. Мы ехали уже часов шесть, не меньше. Я заглохла, понижая передачу, выругалась и треснула кулаком по рулю. Знаешь, мой скверный характер абсолютно не изменился. Для Хуана же гнев мой оказался манной небесной. Он разразился градом ругательств, стал лупить по коробке, призванной изображать руль, и вдруг наша девчушка улыбнулась.

Она хихикнула, на мгновение засмушалась, а потом расхохоталась в полный голос. И на какое-то мгновение ее смех и восклицания заглушили все вокруг. Я и представить себе не могла, как это важно – услышать смех ребенка. В зеркальце заднего вида мне было видно, что она изнемогает от смеха. Неудержимый хохот одолел и Хуана. Я смеялась до слез и всхлипывала, по-моему, отчаянней, чем в тот день, когда ты сжимал меня в объятиях у могилы моих родителей, правда, тогда я рыдала в душе. В грузовичке стало так легко и радостно! Я обернулась, чтобы посмотреть на них, и между взрывами хохота увидела, как Хуан с улыбкой смотрит на меня. Языковой барьер рухнул... Кстати, ты же свободно говоришь по-испански, вот и расскажи, желательно на этом чудном языке, чем закончился твой ужин после кино, чтобы я немного попрактиковалась...

Роландо узнал грузовик сразу, как только машина начала взбираться по серпантину вверх, узнал еще внизу, в долине. Оставил работу, уселся на камень и не спускал с машины глаз все пять часов, пока та ползла в гору. Он прождал долгих три месяца. Он постоянно думал, жива ли еще малышка и что несет ему летящая в вышине птица – весть о смерти или же, наоборот, надежду? С течением времени он все чаще превращал самые обыденные вещи в знамения, поддаваясь капризной воле предсказаний, то добрых, то мрачных, по настроению.

Сьюзен на каждом повороте трижды нажимала на клаксон. Роландо решил, что это хороший знак, длинный гудок означал бы самое плохое, но три коротких – наверно, это добрая весть. Он достал из-за обшлага коричневую пачку «Паладинес». Эти сигареты были намного дороже «Дорадос», которые он обычно курил. Обычно он доставал из коричневой пачки одну-единственную сигарету в день, которую позволял себе выкурить после ужина. Роландо чиркнул спичкой. Глубоко затянувшись, он почувствовал, как легкие заполнились дымом и влажным воздухом, напоенным ароматами земли и хвои. На алевшем кончике сигареты едва слышно потрескивал табак. Нынче днем уйдет вся пачка.

Нужно набраться терпения, ведь они только к вечеру минуют перевал.

Все жители столпились у дороги на въезде в деревушку. На этот раз никто не осмелился вспрыгнуть на подножку. Сьюзен затормозила, и люди обступили грузовичок. Девушка выключила двигатель, вылезла из кабины и обвела глазами собравшихся, с достоинством выдерживая направленные на нее взгляды. Хуан держался позади нее и тоже гордо тянул шею, стараясь придать себе значимости. Роландо шел прямо на них. Окурок он отбросил в сторону.

Сьюзен глубоко вздохнула и направилась к кузову. Толпа замерла, не сводя с нее глаз. Роландо подошел ближе – само спокойствие, ни тени эмоций на неподвижном лице. Сьюзен отдернула полог, Хуан опустил бортик, и все увидели девочку, которую они привезли обратно в деревню. Ножка у девочки была одна, но она широко раскинула ручки навстречу тому, кто спас ей жизнь. Роландо запрыгнул в кузов, поднял ее на руки и что-то прошептал на ушко, вызвав у малышки улыбку. Спустившись, он поставил ее на землю и присел рядом с ней, чтобы она могла опереться на его плечо. На мгновение повисла тишина, и тут же последовал взрыв эмоций – мужчины, радостно вопя, принялись кидать в воздух шляпы. Сьюзен опустила голову, она не хотела,

чтобы кто-то увидел ее лицо сейчас, когда она так уязвима. Хуан схватил ее за руку.

– Оставь меня, – буркнула она, но он лишь крепче сжал ее руку.

– Спасибо тебе за них.

Роландо передал малышку одной из женщин и подошел к Сьюзен. Протянув руку, он взял ее за подбородок и властно спросил Хуана:

– Как ее зовут?

Хуан пристально оглядел статного мужчину и, выдержав паузу, ответил:

– Внизу, в долине, ее зовут сеньора Бланка – «белая сеньора».

Роландо решительным шагом подошел к нему и положил тяжелые руки ему на плечи. Морщины в уголках его глаз стали глубже, а губы раздвинулись в широченной белозубой улыбке.

– Госпожа Бланка! – воскликнул он. – Роландо Альварес будет называть ее госпожой!

И увлек Хуана за собой по каменистой тропинке, ведущей в деревню. Нынче вечером вся деревня будет пить гуахо.

Вслед за вторым Рождеством, проведенным друг без друга, пришел январь нового, 1976 года. Сьюзен все праздники вкалывала как проклятая. Филип, чувствуя себя особенно одиноко, написал ей пять писем за время между Днем Благодарения и новогодней ночью, но не отправил ни одного.

В ночь на 4 января в Гватемале произошло чудовищное землетрясение, погибло двадцать пять тысяч человек. Сьюзен приложила все старания, чтобы поехать туда с гуманитарной помощью, но ржавые колеса административной машины

отказались поворачиваться в нужную сторону, и ей пришлось смириться. 25 марта в Аргентине свергли режим Перона, и генерал Хорхе Рафаэль Видела приказал арестовать Исабель Перон. В этом уголке планеты надежда на лучшее медленно угасала. В Голливуде из гнезда кукушки прямо в руки Джека Николсона выпал «Оскар». 4 июля Америка дружно отпраздновала двухсотлетний юбилей независимости. А несколько дней спустя в сотнях тысяч километров от Земли «Викинг» сел на поверхность Марса и отправил первые снимки Красной планеты. 28 июля случилось еще одно землетрясение, его сила превысила 8 баллов по шкале Рихтера. Ровно в 3 часа 45 минут китайский город Таншань был стерт с лица земли. В нем жили миллион шестьсот тысяч человек. В ту же ночь в шахте к югу от Пекина засыпало сорок тысяч шахтеров. На развалинах мегаполиса шесть миллионов жителей, в одночасье лишившихся крова, остались на улице под проливными дождями. Китаю предстояло носить траур по семистам пятидесяти тысячам человек. А на следующий день самолет Сьюзен приземлился в Ньюарке.

Филип ушел из агентства пораньше. По дороге он зашел в цветочную лавку и выбрал любимые Сьюзен красные розы и белые лилии. Потом заглянул в бакалею, купил полотняную скатерть, продукты, чтобы приготовить хороший ужин, шесть маленьких бутылочек кока-колы (Сьюзен не любила пить из больших бутылок), всевозможные сладости на десерт и большой кулек карамели с клубникой, которую Сью могла поглощать тоннами. Нагруженный по уши, он добрался до мастерской. Выдвинул письменный стол на середину, накрыл его скатертью, расставил тарелки и бокалы, сто раз удостоверившись, что тарелки стоят точно друг против друга, приборы лежат симметрично, бокалы выстроены ровно. Он высыпал конфеты в плоскую тарелку и поставил их на подоконник. Потом обрезал цветы и составил два букета. Красные розы он поместил в спальне на ночном столике справа от постели. Потом сменил постельное белье, поставил еще один стакан на полочку в крошечной ванной и тщательнейшим образом отмыл все краны, раковину и душ. Стояла уже глухая ночь, когда Филип в последний раз обошел «свои владения», желая удостовериться, что все у него в порядке. Но наведенный порядок показался ему «слишком стерильным», и он стал прикидывать, что и куда передвинуть, чтобы комната казалась жилой. Поужинал он пакетиком чипсов, сжевав их над корзиной для бумаг, умылся в раковине на кухне и улегся спать на диване. Спалось ему плохо, он просыпался каждый час. Едва забрезжил рассвет, он был уже на ногах и спешил на автобус, который должен был довезти его до аэропорта в Ньюарке.

Девять часов утра. Самолет из Майами приземлится через два часа. В надежде, что Сьюзен прилетит первым рейсом, Филип приехал заранее, занял «их» столик в баре, наклонив к нему стулья, и уселся возле стойки. Он пытался справиться со своим нетерпением, завязав разговор с барменом. Но тот был не из прислуги дорогих отелей, одетой в черные или белые смокинги и привыкшей с вниманием относиться к откровениям своих клиентов, а потому излияния Филипа слушал вполуха. Между десятью и одиннадцатью часами Филип сто раз порывался вскочить и встретить Сьюзен у дверей, но всякий раз сдерживал себя: она назначила ему свидание здесь, в баре, за этим столиком. В этом была вся Сьюзен, сложная, противоречивая. Она ненавидела напыщенность, но обожала символы. Когда самолет авиакомпании «Истерн Эйрлайнз» пролетел над полем, сердце Филипа заколотилось, губы пересохла. Самолет приземлился, и он тут же понял, что на этом рейсе ее нет. Сидя у окна, он видел, как по трапу спускаются пассажиры, как они идут вдоль желтой линии к терминалу. Наверняка она прилетит первым рейсом после обеда, «это куда более логично». И тогда, чтобы отвлечься от предстоящего долгого ожидания, он стал рисовать. Прошел час. Набросав на больших листах портреты семи клиентов, заходивших в бар, он захлопнул альбом и подошел к стойке.

– Возможно, я покажусь вам странным, но я встречаю друга, он сегодня должен вылететь из Майами. Следующий самолет прилетит только в семь вечера. Мне ждать еще шесть часов, а у меня закончились грифели.

Бармен недоуменно взглянул на Филипа, не прекращая протирать стаканы и ставить их на полку. Филип продолжил свой монолог:

– Иногда час кажется вечностью! Бывает, день летит, ничего не успеваешь сделать, а бывает, смотришь то и дело на часы, и кажется, что они встали. Не могу ли я помочь вам? Вытирать стаканы или еще что-нибудь делать... Например, принимать заказы клиентов, лишь бы как-то убить время. А то я свихнусь!

Бармен поставил на место последний стакан, обвел взглядом пустой зал и небрежно поинтересовался, что Филип желает заказать, придвинув ему какой-то бестселлер, извлеченный из-под стойки. Филип прочел название: «Пожалуйста, тише... Пожалуйста!» Поблагодарив, он вернулся на свое место. В обед бар наполнился, и Филип заставил себя заказать еду, скорее чтобы порадовать бармена, чем свой желудок, который ничего не просил. Он взял сэндвич и съел его, не прерывая чтения сборника новелл Реймонда Карвера. В два часа, когда

заступившая на работу официантка налила ему очередную, неведомо какую по счету чашку кофе, он заказал кусочек торта, к которому так и не притронулся. Он по-прежнему читал первую новеллу. В три часа он заметил, что перечитывает битых десять минут одну и ту же страницу, в три тридцать – одну и ту же строчку. Тогда он закрыл книжку и вздохнул.

В «боинге», вылетевшем из Майами в Ньюарк, Сьюзен, прикрыв глаза, мысленно представляла себе оранжевые лампы бара, вспоминала блестящий паркет и дверь с иллюминатором, куда большим, чем тот, возле которого она сейчас дремала.

К четырем часам, восседая на табурете у стойки бара, Филип уже вытирал стаканы, слушая сменившегося бармена, который рассказывал ему какие-то эпизоды из своей бурной жизни. Филип, вдохновленный испанским акцентом бармена, несколько раз переспросил, откуда тот родом, и тот опять и опять повторял, что родился он в Мексике и никогда не бывал в Гондурасе. В пять часов бар вновь заполнился посетителями, и Филип вернулся к своему столику. Все места были заняты, когда в бар вошла пожилая согбенная дама, на которую никто не обратил внимания. Филип загородился альбомом, чтобы не встретиться с ней взглядом, но надолго его не хватило: чувство неловкости оказалось сильнее. Оставив на столе альбом и всякие мелочи, он встал и подошел к стойке, возле которой стояла старушка. Пожилая леди искренне поблагодарила его и, медленно проследовав за ним, села на предложенное место.

Филип, слишком взволнованный, чтобы держать себя в руках, настоятельно попросил даму проследить, чтобы его место никто не занял, и отправился за ее заказом к стойке. Она попыталась было завязать вежливую беседу, но Филип не откликнулся. При второй попытке он вежливо, но твердо предложил ей пить свою минеральную воду. Лишь через тридцать ужасно долгих минут она наконец поднялась! Кивнув Филипу, старушка двинулась к выходу. Филип следил, как она неспешно удаляется.

Глухой рокот моторов над головой вывел его из задумчивости. Он едва не пригнул голову, когда «Боинг-727» пролетел над крышей терминала. Самолет, заходя на посадку, накренился вправо, потом выровнялся, приближаясь к отведенной ему посадочной полосе. Показались шасси, замерцали огоньки на крыльях. Вскоре большой круглый нос самолета приподнялся, и хвостовое колесо коснулось грунта. Винты пропеллеров постепенно стали видимыми. Возле

терминала «боинг» развернулся, двигаясь к месту стоянки совсем недалеко от бара. И так, самолет, на котором прилетела Сьюзен, сел. Филип сделал знак официанту, чтобы тот вытер столик. Когда первые пассажиры спустились по трапу, Филип испугался, что интуиция его подвела.

На Сьюзен были потертые джинсы и мужская рубашка навыпуск. Она похудела, но, судя по всему, была в прекрасной форме. Высокие скулы стали еще выше, когда она широко улыбнулась, заметив Филипа за стеклом. Ему понадобилось титаническое усилие, чтобы, исполняя ее волю, сидеть на месте. Как только Сьюзен вошла в помещение терминала, на некоторое время исчезнув из его поля зрения, он отвернулся от окна и заказал два шарика ванильного мороженого, политых жидким шоколадом с миндалем и карамелью.

Несколько мгновений спустя Сьюзен прижалась лицом к иллюминатору и скорчила рожицу. Как только она вошла, Филип поднялся. Заметив, что он устроился за тем же столиком, она улыбнулась. Этот укромный уголок в недрах аэропорта показался ей чем-то удивительно важным в ее кочевой жизни. Она призналась себе в этом, еще когда летела на маленьком почтовом самолете из Пуэрто-Кортеса в Тегусигальпу.

Когда она толкнула дверь, Филип вынудил себя остаться на месте, а не броситься ей навстречу. Сьюзен бы это не понравилось. Миновав третий столик, она скинула свой тяжеленный рюкзак и бегом кинулась к Филипу, обняла, прижалась лбом к его плечу и вдохнула знакомый запах. Он повернул ее лицо к себе и заглянул в глаза. Оба молчали. Официант, кашлянув, ехидно поинтересовался у Филипа:

– Не желаете добавить еще и взбитых сливок?

Они сели. Сьюзен, поглядев на мороженое, сунула в него палец и слизнула карамель.

– Я очень по тебе скучал! – сказал Филип.

– А я нет! – насмешливо бросила она. – Ну рассказывай, как дела?

- Потом. Дай на тебя наглядеться.

Она изменилась, возможно, другие ничего бы не заметили, но не Филип. Щеки впали, а за улыбкой таилась печаль, он чувствовал ее, но не мог объяснить. Словно каждая трагедия, свидетелем которой она оказалась, наложила на нее свой отпечаток.

- Почему ты так на меня смотришь, Филип?

- Потому что ты удивительная.

Она расхохоталась, и ее громкий смех разнесся по всему бару. Двое посетителей обернулись. Сьюзен прикрыла рот рукой:

- Ой, прошу прощения!

- Не извиняйся. Ты такая красивая, когда смеешься. Там тебе доводилось иногда смеяться?

- Знаешь, самое невероятное, что это «там» только кажется у черта на рогах, а на самом деле это совсем близко. Лучше расскажи мне о себе, о Нью-Йорке.

Ему нравится жить на Манхэттене. Он получил заказ в рекламном агентстве, сделал свой первый рекламный щит. Эскизы понравились, и его уже пригласили на следующий проект. Особых денег это не приносило, но все-таки уже что-то конкретное. Когда Сьюзен спросила, доволен ли он жизнью, Филип лишь пожал плечами. Он поинтересовался, довольна ли она приобретенным опытом, нашла ли то, что искала. Она словно бы и не услышала его и продолжала свои расспросы: а родители, как поживают его родители? Родители Филипа подумывали продать дом в Монтклере и переселиться на западное побережье. Филип весь год с ними не виделся, только на День Благодарения навещал. Он ночевал тогда в своей бывшей спальне, и ему было грустно. Он почувствовал вдруг, что отдаляется от родителей, впервые увидел, что они стареют, расстояние как будто оборвало нить времени и разрежало жизнь на череду выцветших картинок, где лица от раза к разу все больше менялись под влиянием жизненных перипетий.

– Когда люди живут вместе, – нарушил Филип повисшее молчание, – они и не замечают, как меняются, а в конце концов теряют друг друга.

– Именно это, старичок, я тебе всегда и твердила. Жизнь вдвоем – штука опасная. Как по-твоему, я потолстела?

– Нет, мне кажется, наоборот. А к чему ты это?

– К нашему разговору. Я изменилась?

– Ты просто выглядишь усталой, Сьюзен, только и всего.

– Значит, изменилась!

– С каких пор тебя стала волновать твоя внешность?

– С тех самых, как я впервые увидела тебя.

Она поглядела на остатки мороженого на дне креманки.

– Мне хочется чего-нибудь горячего!

– Да что с тобой, Сьюзен?

– Должно быть, я нынче забыла принять мои таблетки-«веселушки»!

Она видела, что огорчила его, и уже жалела, что дала волю своему дурному настроению, но полагала, что их близость позволяет ей быть самой собой.

– Ты могла хотя бы сделать усилие!

– Ты о чем?

– Хотя бы притвориться, что рада меня видеть.

Она провела пальцем по его щеке.

- Ясен перец, я рада тебя видеть. Это не имеет никакого отношения к тебе.

- А в чем же дело?

- Трудно возвращаться на родину. Все кажется таким далеким от той жизни, какой я жила. Здесь есть все, ни в чем нет недостатка, а там нет ничего.

- Если у твоей соседки сломана нога, а у тебя только вывихнута лодыжка, твоя боль от этого меньше не станет. Попробуй быть чуть более эгоистичной, и тебе будет гораздо легче.

- Ух ты! Да ты становишься философом, старик!

Филип резко встал, направился к двери, вышел на минутку в коридор и тут же вернулся быстрым шагом. Наклонившись, он поцеловал Сьюзен в шею.

- Привет, я так рад тебя видеть!

- Можно узнать, что за игру ты затеял?

- Никакая это не игра! Я ждал тебя два года, у меня мозоль на пальце от писания писем, потому что письма были единственной возможностью хоть как-то участвовать в твоей жизни. И мне показалось, что наша встреча началась совсем не так, как я ее себе представлял, вот я и начал все сначала!

Сьюзен некоторое время смотрела на него, а потом расхохоталась.

- Ты все такой же чокнутый! И мне тебя очень не хватало!

- Ну так рассказывай!

- Сначала ты. Все-все о вашей жизни в Нью-Йорке!

- А как насчет горячего?

- Ты о чем?

- Ты сказала, что хочешь чего-нибудь горячего. Чего именно?

- Я уже расхотела! Спасибо. Мороженое было отличной идеей.

Оба испытывали странное чувство, не смели в нем признаться и не очень хотели о нем говорить. Время не прошло для них даром, два года они жили в разном ритме. Привязанность осталась прежней, только вот слов уже не хватало. Возможно, потому, что их глубокая, искренняя взаимная привязанность все же пострадала от долгой разлуки, обозначив между ними дистанцию, измеряющуюся не только в километрах?

- Доедай быстрее мороженое и пошли! У меня для тебя сюрприз.

Сьюзен опустила глаза и некоторое время сидела, сосредоточенно разглядывая креманку. Потом подняла глаза.

- Я не успею... Я хочу сказать, что не остаюсь. Я согласилась продлить контракт. Они действительно нуждаются во мне, понимаешь? Прости...

Ему показалось, что земля уходит у него из-под ног. Он вдруг ощутил странное головокружение и почувствовал себя совершенно беспомощным как раз тогда, когда хотел быть особенно собран.

- Будь добр, не делай такое лицо.

Сьюзен положила руку на ладонь Филипа, и он тут же отвернулся, не желая, чтобы она видела тоску и разочарование в его глазах. Чувство одиночества сдавило его сердце. Он погладил пальцем руку Сьюзен. Ее кожа утратила гладкость, появились морщинки, и он старался на них не смотреть.

- Знаю, это трудно, - проговорила она. - Там невозможно сохранить нежную девичью кожу. Видишь, какие у меня ногти, а уж о ногах я вообще молчу. Что ты хотел мне показать?

Филип хотел показать ей свою студию на Манхэттене, ну да ладно, покажет в следующий раз. Он пристально поглядел на нее, и выражение его глаз изменилось. Сюзен поглядела на часы.

- Сколько у тебя времени?

- Два часа.

- Всего-навсего?!

- Мало, конечно, но ты не представляешь, как мне пришлось изворачиваться, чтобы удрать и сделать этот крюк.

Она вытащила завернутый в коричневую крафтовую бумагу пакет и положила на стол.

- Отнеси этот пакет по адресу, очень тебя прошу! Это наша контора в Нью-Йорке - и липовый предлог, которым я воспользовалась, чтобы повидаться с тобой.

Филипп даже не взглянул на пакет.

- Я думал, ты работаешь на гуманитарную организацию. Мне и в голову не приходило, что ты в воспитательном лагере.

- Теперь ты знаешь!

- Расскажи поподробнее.

За два года она успела хорошо себя зарекомендовать. Ее направили в Вашингтон дать обоснование запрошенным кредитам, а потом она должна как можно скорее вернуться с медикаментами, перевязочными материалами и непортящимися продуктами.

- А пока они будут все это паковать? У тебя же будет какое-то время.

– Паковать все буду я сама! Для этого я и приехала! Я должна забрать с собой только то, что нам действительно нужно, а не тонну всяческой ерунды, которую они готовы нам спихнуть.

– А что конкретно вам необходимо?

Она сделала вид, что достает из кармана список и читает его:

– Ты идешь по левому проходу, а я – к холодильникам в глубине магазина, встречаемся у касс. Ты все запомнил? Нам нужны школьные принадлежности, триста тетрадок, девятьсот карандашей, шесть классных досок, сто упаковок мела, учебники испанского, пластмассовая посуда, вся, которая найдется на полках, примерно шестьсот тарелок, две тысячи ножей, столько же вилок и вдвое больше ложек, девятьсот одеял, тысяча пеленок, тысяча полотенец, сотня комплектов постельного белья для диспансера...

– Лично мне нужна только ты, Сьюзен.

– ...две тысячи компрессов, триста метров хирургической нити, оборудование для стерилизации, стоматологические инструменты, иглы, стерильные тампоны, расширители, зажимы, пенициллин, аспирин, антибиотики широкого действия, анестетики... Извини, это не слишком забавно.

– Ну, не все так плохо! Я могу хотя бы полететь с тобой в Вашингтон?

– Тебя со мной не пустят. И представь себе, в лучшем случае нам дадут лишь двадцатую часть того, что нам нужно.

– Ты уже говоришь «нам», говоря о тех местах?

– Да? Я не заметила.

– Когда ты вернешься?

– Понятия не имею. Думаю, через год.

– Но в следующий раз ты останешься?

- Филип, не делай из этого трагедии. Если бы один из нас уехал учиться в университет на другом конце страны, было бы то же самое, разве нет?

- Нет, каникулы не делятся два часа. Ладно, не буду занудствовать. Мне грустно, и у меня не получается это скрыть. Сьюзен, ты всегда будешь выбирать любые предлоги, лишь бы с тобой этого не произошло?

- Не произошло чего?

- Ты боишься потерять себя, привязавшись к кому-то. Прекрати смотреть на часы!

- Я вижу, что пора сменить тему, Филип!

- Когда ты остановишься?

Она выдернула руку, глаза ее сузились.

- А ты?

- В чем, по-твоему, я должен остановиться?

- В твоей великой карьере, посредственных эскизах, твоей мелочной жизни.

- Теперь ты злишься!

- Нет, просто я, в отличие от тебя, говорю прямо: вопрос лишь в том, какие подобрать слова.

- А я просто скучаю по тебе, Сьюзен, и имею слабость тебе в этом признаваться. Ты и понятия не имеешь, в каком бешенстве я иногда бываю.

- Наверное, это мне нужно было выйти из бара и снова в него войти. Мне действительно очень жаль. Клянусь, я не думала, что говорю.

- Но, если ты так думала, пусть даже и не совсем так, это не меняет дела.

- Но я не хочу останавливаться, Филип. Во всяком случае, сейчас. Я живу трудной жизнью, иногда невыносимо трудной, но мне кажется, что я действительно делаю что-то важное.

- Именно это меня и бесит, именно это я и нахожу абсурдным.

- И что же тебя бесит?

- Что я не могу вызвать у тебя подобных чувств, что ты отзывчива только на боль других, чужая боль помогает тебе бежать от своей, с которой ты боишься встретиться лицом к лицу.

- Ты достал меня, Филип!

Неожиданно он повысил голос, чем несказанно удивил ее, и – редкий случай – у нее не хватило духу его прервать, хотя ей совсем не нравилось то, что он говорил. По его мнению, дело было совсем не в ее человеколюбии. По его мнению, Сьюзен пряталась от своей жизни и жила чужой с того печального лета, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Спасая жизни других, она пыталась спасти своих родителей, чувствуя себя виноватой в том, что в тот день не заболела страшным гриппом, и тогда бы они остались дома.

- Не смей меня перебивать, – произнес он властно. – Я отлично знаю, что ты чувствуешь и как будешь защищаться. Мне хорошо знакомо любое выражение твоего лица. Правда в том, что ты боишься жить и, чтобы преодолеть этот страх, ты отправилась помогать другим. Но так ты себе не поможешь, Сьюзен, ты не за свою жизнь борешься, а за чужую. Какой странный выбор – пренебрегать теми, кто тебя любит, и отдавать свою любовь тем, кто тебя никогда в глаза не видел! Я знаю, тебя это поддерживает, но ты-то себя не знаешь.

- Иногда я забываю, что ты меня так любишь, и мне стыдно, что я не умею любить тебя так же.

Стрелки часов бежали с неумолимой быстротой. Филип смирился. Ему так много хотелось сказать ей, ну да ладно, он ей напишет. У них почти не было времени

просто побыть вдвоем, впервые за два долгих года ожидания. Сьюзен почувствовала усталость. Она нашла, что Филип повзрослел, возмужал. Он счел это комплиментом. «Ты еще больше похорошела». Оба понимали, что этих кратких мгновений недостаточно. Когда скрипучий голос по громкоговорителю известил о начале посадки на ее рейс, Филип не тронулся с места. Сьюзен поглядела на него.

– Я провожу тебя до дверей только тогда, когда ты пробудешь со мной не меньше четырех часов, учти на будущее. – Он заставил себя улыбнуться.

– Какие у тебя губы, Филип! Ты похож на Чарли Брауна!

– Я рад, это твой любимый мультик!

– Я дурака валяю, но ты же знаешь...

Сьюзен встала. Он взял ее за руку и сжал.

– Знаю. Беги!

Он поцеловал ей ладонь, а она, наклонившись, чмокнула его в самый уголок губ. Выпрямившись, она ласково погладила его по щеке.

– Вот видишь, и ты стареешь! Колешься!

– Как всегда, через десять часов после бритья. Беги, а то опоздаешь!

Сьюзен развернулась и пошла к выходу. Она была уже в конце прохода, когда он крикнул ей вслед, чтобы она берегла себя. Не оборачиваясь, Сьюзен подняла руку и помахала. Тяжелая деревянная дверь медленно закрылась за ней. Филип еще с час просидел за столиком после того, как ее самолет растворился в небе. Потом на автобусе вернулся в Нью-Йорк; была уже ночь, и он решил побродить по улицам Сохо.

У ресторана «Фанелли» он замедлил шаг. Круглые плафоны освещали желтым светом матовые стены. Висящие в деревянных рамах портреты Джо Фрезера, Луиса Родригеса, Шугара Рея Робинсона, Роки Марчиано и Мохаммеда Али

смотрели в зал, где смеющиеся мужчины поглощали гамбургеры, а женщины кончиками пальцев осторожно брали жареную картошку. Филип прислушался к себе: нет, есть ему не хотелось. И он отправился домой. В Вашингтоне Сьюзен вошла в номер отеля. Филип в это же самое время стоял в спальне и смотрел на кровать. Коснувшись правой подушки, он вернулся в пустую гостиную. Он не стал убирать со стола, а лишь долго молча смотрел на него, а потом отправился спать на диван. Пакет он отнесет завтра.

З

10 октября 1976 года

Сьюзен,

мне следовало бы написать тебе гораздо раньше, но я никак не мог подобрать нужные слова. И потом, мне казалось, что на этот год я исчерпал лимит высказанных тебе глупостей, и поэтому переживал, только и всего. Надеюсь, ураган, налетевший на Мексику, вас не затронул? В прессе пишут, что погибло примерно две тысячи пятьсот человек и четырнадцать тысяч ранено. Мексика не так далеко от тебя, и каждая скверная новость из соседнего с тобой региона меня пугает. Мне так хочется, чтобы ты забыла нашу ссору. Я не имел права говорить тебе то, что сказал, я не хотел тебя осуждать и очень об этом сожалею. Я знаю, порой я сам так глупо тебя провоцирую. Виной всему моя дурацкая самоуверенность. Как будто мои слова могли бы заставить тебя вернуться, а мои мысли и чувства изменили бы ход твоей жизни... Говорят, некоторые великие истории любви начинались с прекращения судебного процесса. Ответь мне поскорее. Дай о себе знать.

Люблю.

Филип

11 ноября

Филип,

я получила твое письмо и... Ты имел полное право. Ты был неправ, но и на это у тебя есть право, и, пусть ты этого не хотел, но в словах твоих прозвучало осуждение. Я их не забыла. Наоборот, я часто над ними размышляю, иначе зачем вообще было их говорить? Лиза – так называли столь беспокоивший тебя ураган – прошла стороной. Тут и так все настолько сложно, что иной раз просто руки опускаются. Страна совершенно удивительная. Кровь мертвых уже высохла под землей. Из жалких обломков выжившие восстановили свои дома, собрали то, что осталось от их семей и жизней. Я приехала сюда в полной уверенности, что я умней, образованней, тверже, чем они. Но с каждым прожитым здесь днем я все больше убеждаюсь, что они сильнее меня, а я гораздо слабее.

Мне кажется, чувство собственного достоинства делает их воистину прекрасными. Это совсем не то, что помогать жителям, пострадавшим от военных действий. Здесь грязную войну ведут ветры и дожди. Здесь нет ни хороших, ни плохих, только человечность и доброта среди ужасающей разрухи. Только благодаря мужеству здешних людей возрождается жизнь на этом пепелище. За это я их и люблю и точно знаю, что именно их мужество восхищает меня больше всего. Я приехала сюда, считая их жертвами, но они каждый день доказывают мне, что они вовсе не жертвы, и дают мне куда больше, чем я им. В Монтклере моя жизнь не имела бы смысла, я не знала бы, что с ней делать. Одиночество делает нетерпеливым, а нетерпение убивает детство. Не принимай близко к сердцу то, что я тебе скажу, но я чувствовала себя ужасно одинокой в наши юные годы, которые мы провели вместе. Я знаю, я была слишком порывистой, я и сейчас такая. Эта потребность нестись вперед вынуждает меня жить в том темпе, которого ты не понимаешь, потому что он тебе не свойствен.

Я уехала, не сказав тебе нечто очень важное: Филип, я очень по тебе скучаю и часто перелистываю наш фотоальбом, снова и снова рассматривая дорогие нам обоим фотографии нашего детства. Прости меня за то, что я такая, какая есть, не способная жить ради другого.

Сьюзен

Таймс-сквер. В шумной толпе, всегда собирающейся здесь в канун Нового года, Филип встретил университетских приятелей. Огромные цифры зажглись на фасаде здания «Нью-Йорк таймс». Наступила полночь, начался новый, 1977 год. На головы присутствующих, обменивающихся поздравлениями, обрушился дождь конфетти. Филип чувствовал себя одиноким среди всех этих веселых, целующихся людей. Какие же они странные, эти дни, в которые, согласно календарю, положено радоваться. Вдоль заграждения, пробираясь сквозь толпу, шла молодая женщина. Она нечаянно толкнула Филипа, обошла его, обернулась и улыбнулась. Он поднял руку и помахал ей. Она кивнула, словно извиняясь, что не может двигаться быстрее. Их разделяло уже три человека, казалось, поток уносит женщину вдаль. Филип поспешил протиснуться между двумя растерянными туристами. Женщина пропала, потом он увидел ее вновь, она словно бы вынырнула на поверхность, чтобы глотнуть кислорода. Филип старался изо всех сил не потерять ее из виду. Дистанция между ними сократилась, до нее уже можно было докричаться среди шумной толпы. Последний рывок, и Филип, оказавшись наконец рядом с ней, схватил ее за руку. Женщина удивленно оглянулась, и он, улыбнувшись, скорее прокричал, чем сказал:

– С Новым годом, Мэри! Если пообещаете не царапать мне руку, я приглашаю вас выпить по стаканчику, пока прилив не схлынет!

Улыбнувшись, она ответила:

– Однако вы делаете успехи, а ведь говорили, что очень застенчивы!

– Это было больше года назад. У меня было время исправиться.

– Вы много тренировались?

– Еще пара вопросов в этом шуме, и я оглохну! Не возражаете, если мы отправимся в какое-нибудь более тихое местечко?

– Я была тут с друзьями, но, по-моему, я окончательно их потеряла. Мы собирались встретиться в Даунтауне. Хотите присоединиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Центр изучения ураганов.

2

Национальный центр изучения ураганов.

3

Школа искусств в Нью-Йорке.

Купить: <https://telnovel.com/mark-levi/gde-ty>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)